Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

После того как Китай насытится

Сообщество «Один мой день» является самым популярным в русскоязычном «Живом журнале» (Livejournal), некогда американской – естественно! – социальной сети, точнее, платформы для блогеров, проданной, как я понимаю, из-за проигранной конкуренции с Facebook российской структуре «Рамблер-Афиша-СУП». Инкорпорация и серверы, слава богу, остались (пока) в США, потому методы превращения этой относительно свободной площадки для изложения своего не всегда одобряемого официозом мнения в достаточно замусоренное пространство отличаются (опять же пока) относительной пристойностью.

Платные посты, «наброcы», боты, всякие в меру хитрые методы подъема в топ нужного хлама и проплаченные кампании — вполне джентльменский по нынешним временам набор методов борьбы на фронте пропаганды и агитации. Ну разве что изредка случаются неизвестно откуда берущиеся DDoS-атаки, но это тоже вполне по-джентльменски. По крайней мере, без участия силовых структур — пока — обходится, тьфу-тьфу. И на том спасибо.

Однако к теме... Если бегло пролистать упомянутое сообщество, то вскоре обнаружится, что, вероятно, на две трети оное является рупором и ярмаркой тщеславия русскоязычного так называемого креативного класса. Последний, если брать за основу его классифицирования постиндустриальный род занятий участников, настолько неоднороден во всем прочем, что задумываешься: а единый класс ли это? Уж точно это не так по Марксу, ибо составляющие его индивиды как минимум различаются прежде всего по такому критерию, как отношение к средствам производства. Но потом думаешь: «И бог с ним, с Марксом!» В конце концов, собственников сегодня пруд пруди: достаточно купить хотя бы одну акцию какого-нибудь ОАО «Халхингольский саморез» или даже какой-нибудь пай фонда акций — и вуаля, вы уже собственник. Собственник одной десятимиллиардной доли основных фондов и иного имущества ОАО, включая небезызвестный «скот на откорме» (РСБУ), if any. Потому оставим постиндустриальный род занятий в качестве основного классового критерия. Только назовем такую группу людей не классом, а... например, стратой. Тоже красиво!

Если тут вернуться почти к Марксу, то креативная страта с легкостью распадается по отношению к собственности и доходам на владельцев бизнесов и отмеченный мной в предыдущей публикации салариат, а также... растущий прекариат.

Салариат — здесь: зависимые от зарплаты (обычно от невысокой) люди, которых у нас называют «офисным планктоном», определенные категории работников из сферы услуг и тому подобное. Прекариат — люди, не имеющие постоянной работы, перебивающиеся случайными заработками, в том числе обычно небольшими, нерегулярными

гонорарами, «халтурами», всякие мало востребованные фрилансеры и тому подобное.

Итак, вот они тут, голубчики (орфография и пунктуация сохранены полностью):

«Добрый день! Меня зовут Я, обитаю последние четырнадцать лет в Москве. До недавнего времени была журналистом, но потом увлеклась совсем другой сферой: помогаю людям найти свой имидж...»

«Здравствуйте! Меня зовут Я, мне 30 лет, я все еще живу в ЮАР, веду сайт и пишу книги о том, как стать богатым. Во время отпуска мы с мужем решили посмотреть в ЮАР те места, куда просто так никогда не съездишь. У нас было 2-недельное путешествие на автомобиле, неделю из которого мы провели в Кейптауне и его пригородах...»

«Итак, всем Бонджорно, меня зовут Я. Мне 29, но я все еще студентка! Вообще я из Латвии, Риги, но сейчас учусь по обмену в Риме в музыкальной академии. Учусь джазовому вокалу, и это один мой полный приключений день! Мне иногда было лень брать с собой фотоаппарат, поэтому часть снята на телефон...»

«Всем привет! Меня зовут Я, мне 26 лет, я журналист и фотограф. Живу в Москве со своим любимым и бело-коричневой крохотной бестией породы чихуахуа по имени Буся...»

«Здравствуйте. Меня зовут Я. Я живу и работаю в Швеции, в Гётеборге. По профессии я — имидж-консультант. Это мой очередной день в сообществе...»

«Здравствуйте. Меня зовут Я, мне немногим за 30, у меня есть муж, сын, но временно нет работы и есть немного свободного времени... Я уже рассказывала в сообществе о том, как мы ездили с семьей на карнавал в Венецию, и о том, как я ходила на яхте по Адриатике...»

Это — посты буквально с одной страницы сообщества «Один мой день» в ЖЖ, причем они идут практически подряд. Однажды, наверное, кто-то напишет диссертацию (отдаю идею бесплатно!) о том, кто социально представлен в ЖЖ и как это соотносится с социальным составом общества в целом.

С тех пор прирост числа пользователей шел такими темпами: например, для мобильного Интернета — до 30% в год. Услуги ШПД росли заметно медленнее: в 2013 году проникновение ШПД составляло 33% по сравнению с 31% двумя годами ранее. Против, например, 70% в США.

К слову: по мнению экспертов, 10% роста широкополосного интернет-сегмента дает в среднем от 1.2% до 1.4% прироста ВВП[1]. Это, конечно, когда как, потому что понятно: производство и прокладка кабеля — это плюс к ВВП, но его же, кабеля, импорт — минус.

Страна	Проникновение мобильной связи, % (количество SIM-карт на 100 жителей)	Проникновение широкополосного доступа, ШПД, %
Швеция	135	98
Испания	132	65
Великобритания	131	53
Польша	128	50
Франция	105	44
Германия	132	35
Италия	152	32
Россия	159	31
в том числе Москва	193	61
Санкт–Петербург	204	49

Источник: http://www.a-segment.ru

Таблица 1
Степень проникновения мобильной связи и широкополосного доступа в Интернет за 2011 год

Доля неработающих и частично занятых пользователей мобильного Интернета как намного более доступного, чем ШПД, в 2012 году составляла 25%, в 2013 году — уже 34%. Внимание: доля владельцев собственного бизнеса в 2013 году даже чуть-чуть снизилась — до 9% с 10% годом ранее[2], что, надо сказать, несколько обескураживает. Но мы, правда, привыкли и к тому, что у нас вообще быть владельцем бизнеса — все менее популярное, если не слишком рискованное предприятие.

Глобализация предоставила массу уникальных возможностей людям. Пещерные лжеэкономисты, упорно ждущие, что вот-вот все это потерпит крах, вернется добрая архаика с автаркией и каким-нибудь золотым стандартом, протухнут за своими ноутбуками, не дождавшись желанного темного будущего. Глобализация, помимо всяких рисков, дала большому числу людей возможность искать применения себя на значительно более широком поле, чем это было, скажем, тридцать лет назад. Она дала им возможность узнать о мире гораздо больше, расширить свои горизонты, пойти дальше по пути собственного развития. Как мы видим, возможности для этого не могут в полной мере быть ограничены материальными условиями — здесь вступают в игру другие факторы. Ведь глобализация, дав мощный толчок инфраструктуре и технологиям вообще, удешевила их настолько, что сегодня стать сопричастным глобальным трендам теоретически под силу и пролетарию в старом добром Марксовом, да и бытовом понимании. Было бы желание. Нет, все же сперва — понимание,

10% РОСТА ШИРОКОПОЛОСНОГО ИНТЕРНЕТ-СЕГМЕНТА ДАЕТ В СРЕДНЕМ ОТ 1.2% ДО 1.4% ПРИРОСТА ВВП

[1] Источник: http://www.a-segment.ru.

[2] Источник: http://www.likeni.ru.

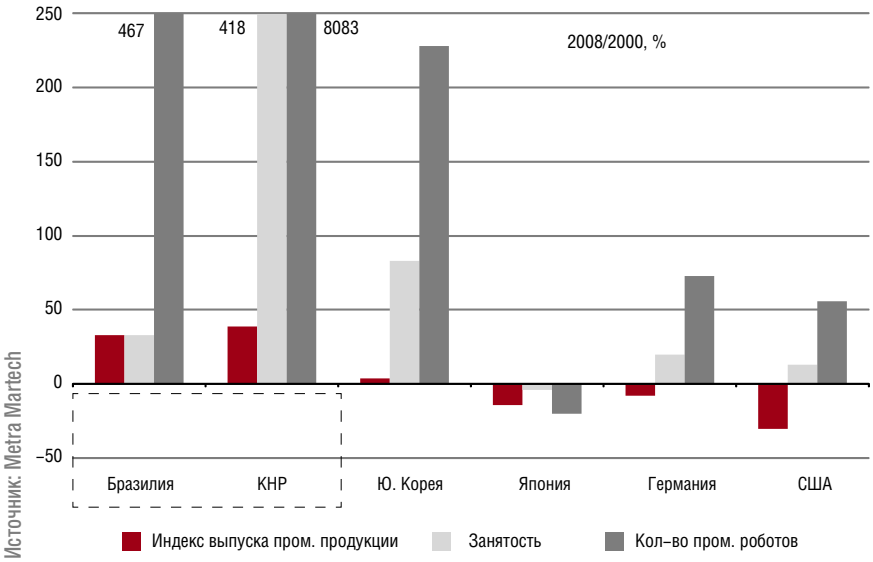

Рисунок 1
Роботизация, промышленная продукция, занятость в некоторых странах мира

ТРАКТОРНАЯ ТЕХНИКА, МЕХАНИЗАЦИЯ, УДОБРЕНИЯ И ПРОЧИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗА 140 ЛЕТ СОКРАТИЛИ ЧИСЛО ЗАНЯТЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПРИМЕРНО В 15 РАЗ!

хотя бы приблизительное, того, что происходит и как этим можно воспользоваться...

Тут-то архаичные государства и начинают ставить свои блоки, исключительно в целях самосохранения: будущее меняет людей самым невыгодным для них образом. Что мы, к сожалению, и видим сегодня у нас в стране. Однако не сомневайтесь: будущее все равно победит, это совершенно неизбежно. Точка.

Далее. Нет, надеюсь, и особых сомнений в том, что креативная страта возникает тогда, когда производится добавочной стоимости достаточно, чтобы позволить себе ее (страты) содержание. Пирамида Маслоу, если угодно. Но не только: мы показали очень бегло, что креативная страта сегодня становится одним из значимых двигателей ВВП, прямо и косвенно. Разумеется, в случае тяжелого кризиса она — первый кандидат на ампутацию, но последний кризис показал, что эта неприятная операция — всего лишь досадный эпизод. Удаляется максимум аппендикс, но до «кильки в томате, гречки, соли и патронов», по словам одного известного инвестиционного персонажа, дело так и не доходит. Потому как — проехали.

Нет, я не изменил своей критике постиндустриального общества. Кушать iPad'ы — не самое приятное занятие, а торговый баланс, счет текущих операций все равно обязан уравновешиваться счетом капитала, что часто подразумевает в случае дефицита наращивание долга. Критический вопрос: сколько вам будет стоить производство единицы продукции, особенно торгуемой. Если не много, то у вас есть шанс уравновесить ваши опасные внешние дисбалансы со временем при определенной политике. Опасные — это как, например, у Греции, ранее у Латвии, еще ранее у Аргентины и так далее.

И вот случилось Оно: «new normal»... В середине 1979 года в американской обрабатывающей промышленности было занято 19.7 млн человек. Сейчас едва более 12 млн. В 1979 году американская обрабатывающая промышленность произвела продукции на $545 млрд в номинальном выражении, а по итогам 2012 года — $1867 млрд, что и в реальном выражении в два с лишним раза больше. А вот занятость в этом сегменте экономики снизилась, как мы видим, примерно на 40%. Неприятно? Да. Ушли в небытие good jobs, рабочие места для американского среднего класса, числом почти 8 млн. Впрочем, есть еще кое-что. Дело в том, что этому феномену есть красноречивая историческая аналогия.

В 1870 году в американском сельском хозяйстве трудилось от 70 до 80% населения страны, которое составляло тогда 39 млн человек. То есть около 30 млн человек. В 2008 году — всего 2–3%; в 2010 году в Штатах насчитывалось 1.2 млн фермеров и менеджеров и примерно 760 тыс. легальных наемных работников. Тракторная техника, механизация, удобрения и прочие технологии за 140 лет сократили число занятых в сельском хозяйстве примерно в 15 раз! Похоже, примерно то же самое происходит теперь с промышленностью... Рабочие руки высвобождаются, уходя в сферу услуг, где оплата труда заметно ниже , либо люди нанимаются на временную работу, теряя в доходах. Либо на госслужбу. Либо в бизнес (всего около 5% населения, говорят, способны к этому), либо туда, где требуются выдающиеся способности и/или очень хорошее образование: в науку, медицину, финансовую систему, «люксовые» отрасли, искусство, спорт и тому подобное. В три последние сегмента, как вы понимаете, массовый наем не нужен, да и невозможен.

Недавно мне попалось на глаза исследование на тему роботизации промышленности, выпущенное консалтинговой фирмой Metra Martech в феврале 2013 года под эгидой Международной ассоциации робототехники, с удивительным названием Positive Impact of Industrial Robots on Employment («Позитивное влияние промышленных роботов на занятость»). Удивительно оно тем, что содержит весьма примечательные внутренние противоречия, по крайней мере, между заявленной в заголовке основной идеей и содержащимися в ресерче подробными и интересными данными, которых, надо отдать должное, собрано много.

Однако всего один график ставит под сомнение однозначность главной мысли исследования. Сформулируем нашу претензию так: «Вы утверждаете, что роботы помогают создавать рабочие места? Да, конечно! Увеличивают ли они занятость вообще? В развивающихся экономиках — возможно. В развитых странах — скорее нет, чем да».

График, показывающий изменение соответствующих количественных индексов с 2000-го по 2008 год, довольно красноречив, не так ли? Рамкой выделены развивающиеся страны, в которых стартовая точка роботизации крайне низка и рост имеет больше экстенсивный, нежели интенсивный характер.

В России, которая так и не достигла постиндустриального этапа собственного экономического развития, социальная ситуация отчасти схожая. Помимо всего прочего, глобализация позволила обществам, неготовым к новому этапу развития ни социально, ни экономически, импортировать как минимум атрибуты новой парадигмы, а некоторым странам — и вовсе перепрыгнуть через несколько этапов эволюции. Среди последних прежде всего ОАЭ и, конечно, Китай. Россия в этой когорте выступает скорее потребителем, чем участником новой парадигмы, до сих пор заменяя эволюцию потреблением природной ренты.

В известном смысле даже на Западе многие «постиндустриальные» люди, представители низших слоев креативной страты — креативный прекариат — так же, как и «некреативный» (ранее называвшийся иногда «люмпен-пролетариатом»), являются потребителями ренты, даже если у них нет, например, пенсионного плана. В том смысле, что общество роботов и креативщиков, а лучше сказать, креаторов, их содержит с помощью государственной системы перераспределения благ, покупая таким образом себе относительное спокойствие.

Что дальше? Скорее всего, материальное расслоение продолжит нарастать, несмотря на пожарные государственные меры по всей планете. Франсуа Олланд наглядно показал тяжесть задачи по ограничению неравенства: в глобальном мире старые методы госнасилия и насаждения столь хорошо нам знакомой тривиальной уравниловки не просто крайне неэффективны, но и вредны. Кстати, любимая некогда нашими реликтовыми «красными» Швеция уже несколько лет проводит реформу по постепенному отходу от своих социалистических замашек. Только насколько своевременно? Политикам, социальным технологам придется искать какое-то равновесие между новым, не-Марксовым коммунизмом и системным наследием Хайека и Фридмана, необходимое для избежания такого общества, которое показано в довольно, по-моему, слабом (и весьма левом — в западном смысле слова) фильме «Элизиум».

А пока они будут искать, прекариат и низший салариат продолжат расти: сокращение количества людей, активно ищущих работу в главном трендсеттере мировой экономики — США, — является провозвестником такого тренда. Несмотря на громадное облегчение открытия собственного бизнеса, которое принесла инфраструктура, породившая глобализацию, многие из представителей этого нового бизнеса, вероятно, будут очень близки к прекариату. Несмотря на то, что под них почти постоянно создаются новые возможности: например, системы денежных операций peer-to-peer, наиболее изощренной из которых на сегодня является «валюта Матрицы», биткойн. И это только первые ласточки.

Но тем не менее виртуальный мир зыбок, переменчив, иллюзорен. Мечты и деньги в нем легко превращаются в дым. Посмотрите на Интернет: там до сих пор можно найти кладбища текстов, изображений, сайтов, идей, которые были полны жизнью, например, в 1990-е. Заработок в Сети с легкостью оказывается пустой иллюзией для очень-очень многих — не только участников всяческих хайпов. Это притом, что Сеть способна ослабить мускулы (в широком смысле этого слова) и так относительно слабых индивидов до такой степени, что за ее пределами они окажутся негодными вообще ни для чего путного. Наконец, значительные спросовые ограничения, которые наступят после утоления «постиндустриального голода» Юго-Восточной Азией, то есть довольно скоро, еще до середины века, и естественная, а значит, непостыдная неспособность большинства людей к креативу в широком смысле и невозможность для них заплатить за хорошее образование будут только способствовать росту числа рантье незаработанной ренты.

К слову, все это имеет значительные последствия для мировой банковской системы, помимо конкуренции с новыми сетевыми финансами, гибкими и быстрыми, словно змеи, не скованными почти никакими рамками, свойственными традиционной банковской сфере. Например, такие: рост числа людей, не делающих сбережений и полагающихся на трансферты государства. Они же — возможные заемщики категории subprime. Они же — вероятные киберпреступники из креативного прекариата. И тому подобное. Это значит, что банки должны сражаться за немногочисленного состоятельного клиента — благонадежное и очень требовательное физическое лицо, у которого много альтернатив и вполне могут быть достаточно глубокие знания финансов.

При всем при том как минимум креативный прекариат активно нуждается в высокой мобильности своих небольших денег: даже совершенно маргинальные участники известной пирамиды МММ в России для своих игрищ использовали карточные счета в крупнейших банках РФ. А уж про финансовую деятельность многомиллионной армии гастарбайтеров, что в РФ, что, например, в Германии, и говорить не приходится. Эта активность будет только нарастать впредь из-за неизбежного повышения мобильности огромных, прежде совершенно оседлых масс людей как в виртуальном, так и в реальном пространстве. К слову, PayPal уже работает в 191 стране. В 2002 году количество стран составляло 38.

Кроме того, процесс привлечения (как и размещения) капитала реальным сектором, в котором будет наблюдаться увеличение роли и веса транснациональных компаний, примет еще более ярко выраженный международный характер, что, кстати, может привести к укрупнению валютных блоков, как институционализированных, так и «неформальных». То есть по итогам всего этого мы будем иметь дело с долларовым блоком, расширенной зоной евро, зоной юаня при сохранении еще ряда валют наиболее значимых экономик вроде иены. А конкуренцию за клиента придется вести еще более интенсивно с глобальными монстрами...

Дальнейшее оставляю на прихоти вашей логики и фантазии.

Что ж, повоюем...

С Новым годом, коллеги!